Очаровательный Синий Чулок

Автор:
Юлия Климова

Очаровательный Синий Чулок

Юлия Климова

С улыбкой о любви

Работа гувернантки опасна и трудна! Неизвестно, что может ждать юную леди за порогом чужого дома. Привидения? Капризный ребенок? Сногсшибательный мужчина? Ревнивая подруга сногсшибательного мужчины? Или все и сразу?!

Софья Одинцова, собрав вещи, переезжает в дом к «владельцу заводов и пароходов» господину Комлеву. Там ее ожидают новая работа, смышленая девочка Ксюша и… масса приятных и неприятных неожиданностей! Сдержаться или довериться чувствам? Остаться или сбежать? Ответы на эти вопросы знает лишь сердце…

Юлия Климова

Очаровательный Синий Чулок

За две недели до основных событий

Любить голубей совершенно не за что. И в этом Фаина Григорьевна убедилась, когда бело-зеленая капля упала с неба на рукав ее дорогого коричневого жакета и окончательно испортила настроение. Жалкий район, пошлые рекламные вывески, грязные пятиэтажки, фонарные столбы, заляпанные объявлениями,

ярко-крикливые магазинчики и люди «не того сорта» – вот с чем приходится сталкиваться иногда… И это ее Москва! Замечательно, бесподобно…

Фаина Григорьевна скривила губы, достала платок, прижала его к носу, вдохнула аромат любимых духов и огляделась. Да, именно в подобном месте должен жить человек, абсолютно лишенный принципов, а ей нужен именно такой. Без сомнения. Это упростит очень многое, а деньги… Деньги поставят жирную печать на договоре. Фаина Григорьевна улыбнулась, чувствуя себя всемогущей и непобедимой. Она вытерла омерзительную голубиную кляксу, без сожаления выбросила платок в мусорное ведро и вынула из лаковой театральной сумочки небольшой лист бумаги, аккуратно сложенный пополам. Раскрыла его и в который раз прочитала номер телефона, написанный торопливо, будто тот, кто его давал, сомневался в правильности своего решения, и адрес, выведенный уже ее рукой, – твердо, с нажимом.

– Глупости, – надменно произнесла Фаина Григорьевна. – Чем хуже, тем лучше.

Она прошла мимо автобусной остановки и ларька с прессой, свернула в арку и направилась к нужному дому. Настроение постепенно улучшалось – госпожа Удача уже давно должна была стать союзницей, и, кажется, этот день наступил…

Фаина Григорьевна остановилась около подъезда, поправила волосы, окрашенные на висках сединой, с удовольствием отметила, как играет солнце в драгоценных камнях ее колец, и посмотрела на часы. Без пяти пять. Приятно быть безупречно точной, безукоризненной и непогрешимой, все же мир по-прежнему держится на тех же китах, что и раньше, а не на вседозволенности и пагубных страстях. Страстях, выдуманных писаками и лоботрясами! Страстях, столь удобно используемых некоторыми женщинами в своих целях.

Коробочка домофона, вырванная из двери, уныло висела на проводах, что могло вызвать очередной приступ раздражения, но Фаина Григорьевна лишь дернула плечом и повторила:

– Чем хуже, тем лучше.

Глава 1

Какой будет жизнь гувернантки, зависит только от самой гувернантки.

Джейн Эйр, кстати, чертовски повезло!

Из краткого курса лекций Школы Успеха, открытой в 1973 г. в Оксфордшире

Работа гувернантки весьма тяжела, непредсказуема и опасна – неизвестно, какие радости и горести ожидают молодую воспитанную леди за порогом чужого дома. Вполне может оказаться, что в массивных шкафах, изготовленных еще пару веков назад, хранятся не бальные платья, а самые обыкновенные скелеты (лежат ровной стопочкой и никому не мешают) или в дальней комнате на втором этаже прячутся живехонькие жены Синей Бороды, мечтающие вступить в партию феминисток. А может, по ночам по гулким коридорам ходит, гремя ржавыми цепями, безутешное Кентервильское привидение – чихает, кашляет и ищет, с кем бы ему поболтать. Каждый дом – загадка. И не стоит торопиться, делать скоропалительные выводы, навешивать ярлыки и успокаиваться раньше, чем настанет время паковать чемоданы, готовясь в обратный путь. Тайны имеют совершенно дурацкую привычку выскакивать из-за угла и оглушать несчастную жертву звучным «опа!» или «о-ля-ля!», вот почему каждая гувернантка должна быть внимательной, хладнокровной и сдержанной.

Софья Филипповна Одинцова к новому месту работы предпочла отправиться на такси, хотя такой поступок нельзя было назвать взвешенным и правильным – предстояло ехать за город (пусть и ближний, но все же), а это дорогое удовольствие. Господин Комлев предложил машину с водителем, но Соня отказалась, желая собраться с мыслями, настроиться и заодно продемонстрировать независимость. Она надела строгий костюм – серый, приталенный, с длинной юбкой, сотворила на голове идеальный пучок, припудрила лицо и осталась довольна отражением в зеркале. Четкие линии, строгость в каждом сантиметре и взгляде, сухость и уверенность в каждом движении.

Итак, ей предстоит жить в огромном особняке и заботиться об одиннадцатилетней девочке Ксюше. Очень хорошая заработная плата, премиальные, свежий воздух и уединение. Многие гувернантки только мечтают о такой работе и перспективах (рекомендательное письмо от господина Комлева

на дороге не валяется), весьма не просто получить подобное место, и, надо полагать, удержаться тоже будет нелегко. Кстати, о рекомендательных письмах… Соня подошла к комоду и взяла три белоснежных конверта: вот отзыв о ее прекрасной работе от жены управляющего банком Ирины Яковлевны Юдиной («…нашему малышу очень повезло, что его воспитывала столь достойная девушка…»), вот слова уважения и благодарности от профессора-эндокринолога Игоря Львовича Успенского («…моя дочь обожает Софью Филипповну, но, к сожалению, мы переезжаем в Санкт-Петербург…»), вот сдержанная, но деловитая оценка от жены крупного бизнесмена Лебедева («…Одинцова отлично выполняет свою работу, положительно влияет на детей, находит с ними общий язык и всегда ведет себя правильно…»).

С господином Комлевым Соня еще не виделась – в агентстве с ней беседовал его представитель Василий Васильевич Базилюк (задавал кучу вопросов и изучал бумаги). С одной стороны, странно, что Кирилл Андреевич доверяет выбор одному из подчиненных, но с другой… Что ему помешает выгнать молодую особу двадцати семи лет на улицу, если она ему не понравится? Комлев очень занятой человек, ему не до собеседований, и об этом можно узнать чуть ли не из каждой второй газеты. А его представитель, кстати, произвел впечатление ищейки, взявшей след. Такой тип, наверное, и воробья прижмет к стенке – вырвет у бедняги из клюва черствую крошку хлеба и посадит за хищение в особо крупных размерах лет на десять. Окружение, достойное владельца нескольких крупных компаний, занимающегося еще и продюсерством.

В такси Соня раскрыла глянцевый журнал на одиннадцатой странице и внимательно посмотрела на фотографию Комлева. Ему всего тридцать семь лет, но седины предостаточно (она заметна в черных волосах). В темных глазах слишком много злости (не нужно утешать себя тем, что фотография неудачна), а вот ямочка на подбородке… Наверное, природа специально наградила Кирилла Андреевича этой черточкой, пусть, мол, хоть иногда кажется милым.

Соня закрыла журнал, положила его на колени и посмотрела в окно. Ее прямой спине позавидовала бы любая балерина, а спокойному выражению лица – любой укротитель тигров.

Через час машина остановилась около неприступного забора. Соня вышла, одернула пиджак и поправила ремешок сумки на плече.

– С вещичками помочь? – спросил таксист, закуривая.

– Спасибо, не надо, – ровно ответила Соня, расплатившись, приблизилась к воротам и нажала кнопку звонка.

Открылась не узкая металлическая калитка, украшенная сверху коваными кольцами и пиками, а створки ворот медленно и бесшумно поползли в разные стороны, будто невидимый чародей сидел и ждал, когда же приедет новая гувернантка и превратит девочку Ксюшу в послушное и умное создание. Потому что самому чародею не хватило на это ни времени, ни сил, ни волшебства.

***

Лора нетерпеливо постукивала длинными розовыми ногтями по подлокотнику кресла и поглядывала то на часы, то на Кирилла. Они бы успели на прием, платье даже гладить не нужно, но кое-кто устал от суеты и громкой музыки. Не будем показывать пальцем, кто…

– Ну давай поедем, – капризно протянула она, – немножко покушаем суши, немножко попьем сухого белого вина, потанцуем. Всего-то вторая вылазка на этой неделе.

– У меня много дел.

– Ничего себе, много дел! – фыркнула Лора. – Ты уже десять минут торчишь около окна. Что ты там увидел интересного?

– Новая гувернантка приехала, – сухо ответил Кирилл и скрестил руки на груди. – На такси.

По дорожке к дому шла абсолютно серая девушка, точно при рождении ее выкрасили в скучный цвет и благословили на все четыре стороны. Даже медовый тон волос не спасал положения, потому что их казалось очень мало. Она несла чемодан с таким достоинством, будто в нем покоился прах египетского фараона или глиняный сосуд с эликсиром бессмертия – подбородок вздернут, спина прямая, шаг твердый.

Кирилл хорошо разбирался в людях и, конечно, знал, что к первой встрече с работодателем некоторые готовятся особенно тщательно, идут на многое, лишь бы понравиться. И у этой девушки, несмотря на ее простоту, образ был объемный и законченный – именно такую особу с распростертыми объятиями обычно ждут в богатых домах. Этакая чопорная английская леди, строго соблюдающая распорядок дня, разбирающаяся в литературе и музыке, владеющая английским и французским языками. Всегда ложится спать сразу после того, как уснет вверенный ее заботам ребенок, она вроде есть, и одновременно ее нет. Раздражает, однако справляется с поставленными задачами.

Но Софья Филипповна Одинцова была настоящей – от и до. Кирилл Андреевич Комлев не сомневался. Он это понял, когда увидел ее фотографию, прикрепленную к резюме. Интересно, сколько продержится новая гувернантка в его доме? И что скажет Ксюша, увидев ее?

– Да? Ты мне не говорил. А с прежней что случилось?

– Я ее уволил.

– За какие прегрешения? – Голос Лоры прозвучал насмешливо.

– Она закрутила роман с охранником и однажды забыла про Ксю.

– Закрутила роман?! Вот ненормальная! Ты же наверняка ей платил бешеные деньги.

– Любовь всегда оказывается сильнее денег, – философски заметил Кирилл, не оборачиваясь, – хотя, вероятно, ты этого и не поймешь.

– Фу, какой ты противный! – обиженно фыркнула Лора и протянула кокетливо: – Я, между прочим, тебя очень сильно люблю.

– Не сомневаюсь.

– А вообще, твоя ненаглядная Ксюша не пропадет ни при каких обстоятельствах. Подумаешь, нянька загуляла! – Испытывая легкий приступ любопытства, Лора

быстро поднялась, подошла к Комлеву, прижалась и повисла на его плече. – Это новенькая?

– Да, – ответил он, наблюдая, как девушку встречает домработница Ольга Федоровна, чаще именуемая экономкой. Короткие приветствия, пара вежливых слов, учтивый жест. Софья Одинцова вряд ли здесь когда-нибудь почувствует себя комфортно. Такие не умеют расслабляться, они точно натянутая струна. – Настоящий сухарь, – тихо произнес Кирилл и устало вздохнул, – но наверняка знает «Онегина» наизусть.

– Зачем ты ее взял?

– Для разнообразия. И Ксюше полезна некоторая… организованность.

– Кому нужна эта чертова организованность? – Лора засмеялась, вильнула бедром и направилась к двери. – Давай все же поедем на прием?

– Не могу.

Кирилл отошел от окна, сел за письменный стол и потер колючую щеку ладонью. Сейчас Софье Филипповне покажут ее комнату, минут двадцать она отдохнет, затем у них состоится разговор. А уж потом он наконец-то возьмется за работу.

***

Дом Комлева она представляла другим – богато-вычурным. По журнальным фотографиям было ясно, что Кирилл Андреевич неравнодушен к дорогим вещам и предпочитает добротную классику. Одни наручные часы чего стояли! Но ни искрящиеся вазы, ни бархатные подушечки с золотыми кистями по углам, ни картины в тяжеленных рамах, ни громадные люстры Соне по дороге на второй этаж не встретились. Стильная современная мебель без излишеств, мягкие однотонные ковры, книги, редкие экзотические цветы, строгие светильники делали обстановку холодной и в то же время позволяли вдохнуть полной грудью и почувствовать себя свободной.

Свободной… Нет, все же нет.

– Вот ваша комната, если что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь, – монотонно произнесла Ольга Федоровна и открыла дверь.

Эта худая женщина лет сорока представилась экономкой и сразу дала понять, что не терпит лишней болтовни и бесконечно уважает Кирилла Андреевича. По-видимому, она очень дорожила местом, считала себя значимой персоной в доме и вполне имела на это право. Порядок обычно держится именно на таких исполнительных, деловитых особах, не терпящих суеты и сплетен, умеющих одним взмахом руки решить многие проблемы. Господину Комлеву повезло…

Соня задержалась на пороге, взглядом поблагодарила экономку и зашла в свои «покои».

Комната не удивила. Оформленная в уже привычных спокойных тонах, она не имела индивидуальности, точно была готова подстроиться под любого хозяина. Заходи, мил-человек, обживайся, а там посмотрим – кто кого. Лишь широкие оранжевые полосы в нижней части штор и оригинальные вытянутые бра в тон оживляли общую картину.

– Вам нравится? Вас устроит эта комната? – спросила Ольга Федоровна, приподняв тонкие брови. Она не скрывала, какой ответ ожидает услышать, и именно поэтому фразы получились резкими и холодными.

– Да, спасибо, – ответила Соня и поставила чемодан на пол.

Он не был тяжелым, но данный факт не оправдывал того, что нести его пришлось самостоятельно. Никто не помог, впрочем, глупо надеяться на чуткость и заботу – господину Комлеву и экономке не до назойливых мелочей. Не те люди. Кирилла Андреевича наверняка интересует лишь рост прибыли, а Ольгу Федоровну – распорядок дня и своевременная доставка свежих овощей в кухню. Увы, равнодушие неискоренимо.

– Кирилл Андреевич желает с вами поговорить. Минут через двадцать вам будет удобно? – Голос Ольги Федоровны прозвучал вновь с интонацией, не терпящей возражений.

– Да, конечно.

– Располагайтесь.

Экономка растворилась в воздухе, оставив после себя стойкий аромат пионов и распахнутую дверь.

Соня закрыла дверь, неторопливо переложила вещи в шкаф, приготовила документы, рекомендательные письма и села на кровать, ожидая приглашения спуститься – скорее всего, кабинет Комлева находится на первом этаже. Она догадывалась, о чем он ее спросит: где работали, почему ушли, каково семейное положение, какие планы на ближайшие сто лет… Об этом всегда спрашивают на собеседованиях, и не потому, что интересуются ответами, а из-за необходимости понять – адекватный человек сидит напротив или нет. Бедные, несчастные работодатели, как же им тяжело! Страх получить кота в мешке иногда лишает их сна и покоя. Хотя чего переживать? Одним Кентервильским привидением больше, одним меньше… Соня позволила себе сдержанную улыбку и провела рукой по волосам, проверяя, не выбилась ли прядка. Нет, все в порядке. Впрочем, иначе и быть не могло.

За ней пришла не Ольга Федоровна, а приятная рыженькая девушка лет двадцати, Марина, которая доложила, что живется здесь неплохо («если пореже попадаться на глаза грымзе-экономке»), Лора – невеста Комлева, писаная красавица («но капризная, как царевна Будур!»), генеральную уборку приходится делать чаще, чем требуется («Владимира Ильича Ленина бы сюда с бревном и справедливостью!»), Ксю нормальная («только любого умника перехитрит в два счета»), зарплата всегда вовремя («но на бриллианты почему-то не хватает»).

Соня не спешила поучаствовать в разговоре, да и вставить слово вряд ли бы получилось – Марина болтала без умолку. И замолчала она лишь за метр до кабинета Комлева.

– Держись. Если сейчас тебя не сожрет, то проработаешь здесь долго. Он обычно сразу решает казнить или миловать.

– Спасибо за поддержку, – произнесла Соня, не испытывая страха. Волнение дрожало в душе – да, но страха не было.

Она постучала в дверь, услышала жесткое «войдите» и смело нажала на матовую серую ручку – раздался щелчок, и сердце забилось ровно, как и минуту назад.

Комлев сидел за столом, откинувшись на спинку кресла. В его позе и взгляде было достаточно холодности и высокомерия, а кому-нибудь могло показаться, что он удав, терпеливо ожидающий, когда же мимо прошмыгнет глупый кролик (реакции, безусловно, хватит, и обед удастся на славу).

– Здравствуйте, – произнес Комлев и указал на стул.

– Добрый день, – ответила Соня и села, сложив руки на коленях. В эту секунду она вспомнила, что документы и рекомендательные письма остались лежать на кровати в комнате. Вероятно, они не пригодятся, но если Кирилл Андреевич потребует, она сходит за ними.

Пару секунд Соня смотрела на ножку этажерки, а затем чуть подняла голову и перевела взгляд на хозяина кабинета. И в этом взгляде не присутствовали ни любопытство, ни почтение, ни заинтересованность. Лишь абсолютное спокойствие, терпение и внимание – вот смесь чувств истинной гувернантки.

«Да-а, – подумал Комлев, – такой рыбы у нас еще не было».

Но он немного лукавил: Софья Филипповна Одинцова оказалась не такой уж высушенной воблой, как на фотографии. То есть ее пресное выражение лица по-прежнему навевало скуку, но некоторые черты все же заслуживали внимания. Например, большие карие глаза, густые ресницы, аккуратный нос. Кирилл решил, что смог бы назвать ее приятной, но эта неожиданная мысль сразу показалась странной, нелепой, и он еле заметно усмехнулся. Сухарь и рыба одновременно. Бедная Ксю…

– С завтрашнего дня вы приступаете к обязанностям гувернантки, – сухо произнес Комлев и, выдержав паузу, продолжил: – Делайте свою работу честно, и проблем не возникнет. Условия вам известны: шесть дней в неделю вы головой отвечаете за Ксюшу, а воскресенье – выходной. Если понадобится отлучиться или появятся проблемы, обязательно позвоните мне. – Он взял визитку из подставки и положил ее на край стола. – Я ознакомился с рекомендательными письмами. Вы никого не разочаровали. Похвально.

Соня уловила иронию в голосе Комлева, но не шелохнулась. Он мог позволить себе и более колкий выпад, и ей бы тоже пришлось смолчать. «Вы никого не разочаровали». Будто она вечно должна сдавать экзамены и ждать одобрения, словно профессионализм утрачивает часть ценности, если речь идет не о богатее, проживающем в трехэтажном особняке, а о портнихе или учителе.

– Я люблю детей, – проговорила она со значением, не отводя взгляда.

Этой короткой фразой она намекала Комлеву: ни к чему искать в старании подвох, нормальный человек, посвятивший свою жизнь детям, не может получать иные рекомендации. И Кирилл понял ответ правильно, но случай Софьи Филипповны тем не менее определил как трудный и сложный. «Хроническая отличница, – подумал он. – И детей любит не от природы своей, а потому, что должна любить». Ну и пусть, почему бы и нет?»

Соня изучала Комлева. От него исходила сила, которая нагоняет тучи, ломает ветки и пригибает деревья к земле, но при этом Кирилл Андреевич больше производил впечатление наблюдателя, чем воителя. Конечно, одно неверное слово, малейший промах, и ее уволят без церемоний и сожалений. Он лично уволит – выставит за дверь с чемоданом или без, потому что здесь его территория, у льва мгновенно меняется настроение.

– Не сомневаюсь. – Комлев посмотрел на часы. – Ксюша подойдет минут через пять, и вы сможете с ней познакомиться. Надеюсь, вы понравитесь друг другу.

– Обязательно понравимся, – бесцветно произнесла Соня.

– Учеба заканчивается через пару недель, так что подумайте, чем занять Ксению. Она слишком уж творческая, увлекающаяся натура и… Ее энергию лучше направлять в нужное русло.

– Спасибо, я учту.

– Кто ваши родители? – спросил Кирилл и удивился собственному вопросу.

Его мало волновали корни Софьи Одинцовой, ее личная жизнь (наверняка меланхоличная и однообразная), планы и мечты (если таковые вообще

существовали). Но ему стало любопытно: в каких семьях воспитывают столь чопорных леди и почему они, вырвавшись на свободу, не тянутся к солнцу, не впитывают краски, не расправляют крылья? Сидит, не шевелится, спина ровная, лицо бледное. «Попросить ее продекламировать «Онегина», что ли?»

– Мои родители умерли четырнадцать лет назад, – ответила Соня и повернула голову в сторону окна. – Мама работала в научно-исследовательском институте, а папа был строителем.

Смотреть на Комлева ей не хотелось. Соня угадывала его мысли, и от этого немного забеспокоилась. Конечно, она из другого мира… Глупо спорить.

Кирилл, наоборот, прошелся взглядом по фигуре новой гувернантки (с головы до ног) и мгновенно потерял интерес к происходящему. Базилюк уже обсудил с Софьей Филипповной и зарплату, и обязанности… Есть ли смысл затягивать разговор и тратить время?

– Ольга Федоровна расскажет вам о распорядке дня. Днем я практически не бываю дома и понятия не имею, что здесь происходит. – Вместо иронии в его голосе прозвучало равнодушие. – Завтра я устраиваю ужин для друзей, Ксюша любит подобные вечера и в такие дни обычно ложится поздно. Я не против, но уроки должны быть сделаны. И я прошу вас присутствовать на этом ужине…

Комлев договорить не успел – дверь распахнулась, и Соня увидела прелестную девочку в кремовом платье, украшенном розовыми атласными лентами на талии и подоле. Светлые мелкие кудряшки, собранные в высокий «хвост», торчали в разные стороны и казались очаровательными и трогательными. Девочка выглядела младше одиннадцати лет, но хитринки в глазах расставляли все по своим местам (в уме и сообразительности юного создания можно было не сомневаться).

– Здравствуйте! – Девочка широко улыбнулась. – Я – Ксюша.

– Добрый день, – ответила Соня и тоже улыбнулась.

– Я просил тебя стучаться, – сказал Комлев. – И ты опоздала на семь минут.

– Семь минут – это совсем немножко, это не считается, – объяснила Ксюша и пожала плечиками. – Я непременно должна была привести себя в порядок. Ну, сегодня же важный день.

– Да уж, в таком случае семь минут действительно смешное время, – иронично произнес Кирилл Андреевич, и Соня сразу поняла, что он обожает Ксюшу, с трудом бывает с ней строг, а девочка, говоря про важный день, имела в виду знакомство с новой гувернанткой. То есть с ней – Софьей Одинцовой. Хорошая девочка. Знает, когда и что нужно сказать. – Ты чудесно выглядишь, моя дорогая. И даже причесалась… – Теперь в его глазах блеснули искры хитрости, из чего можно было сделать единственный вывод: обычно любимица Комлева носится по дому с распущенными волосами.

– Я старалась, – произнесла Ксюша и покосилась на Соню.

– Полагаю, вам пора познакомиться, – сменил тему Кирилл Андреевич и быстро, опуская лишние слова, произнес: – Софья Филипповна, это Ксения. Ксюша, это Софья Филипповна, именно она теперь будет заниматься твоим воспитанием. Надеюсь, никаких проблем не возникнет и все будут довольны.

– О! Очень приятно! – Юное создание прижало руку к груди и от избытка чувств привстало на цыпочки. – Я бес-ко-неч-но рада…

О новой гувернантке Ксюша знала давно и, конечно, переигрывала, но сцена удивления и восторга у нее получилась почти естественной и… обворожительной. Уж этого ребенка нельзя упрекнуть в невежливости или наглости – маленькая шаловливая фея, милая, воздушная, прелестная.

– И мне очень приятно, – стандартно ответила Соня.

«Противоположности притягиваются, – мрачно подумал Комлев, – посмотрим, что из этого получится».

– Софья Филипповна, вы наверняка устали. Ксюша проводит вас до комнаты, – сухо произнес он. – К работе вы приступаете завтра.

Кто бы сомневался, что господин Комлев умеет тактично выставлять за дверь… Соня поднялась, взяла со стола визитку, убрала ее в карман пиджака и замерла, выжидательно глядя на свою подопечную.

– Пойдемте! – воскликнула Ксюша, и воздушный подол ее платья качнулся, отчего атласная лента заблестела. – Наши комнаты рядом. Вы не будете заставлять меня пить горячее молоко? Ольга Федоровна постоянно его приносит. Ужасная гадость!

– Я не буду заставлять тебя пить горячее молоко, – пообещала Соня, не глядя на Комлева. Она не труслива, и подобные решения собирается принимать самостоятельно. Пусть это станет ясно сразу.

– Замечательно, – кивнула Ксюша. – Только, пожалуйста, сообщите об этом Ольге Федоровне поскорее, а то… ну-у… Боюсь, я потеряю сознание, если еще раз увижу стакан с горячим молоком. – Она тяжело вздохнула и добавила: – Ах, если бы вы знали, как мне бывает тяжело в этом доме.

Лукавый взгляд девочки устремился к Комлеву, и Соня впервые отметила, насколько они не похожи внешне. Темный, обладающий тяжелой аурой минотавра Кирилл Андреевич и светленькая Ксюша, готовая в любую секунду оторваться от пола и взлететь. Но он же ее отец? Или нет? Несмотря на отсутствие точной информации, этот вопрос почему-то раньше не возникал. Просто не приходил в голову. Отцовство казалось естественным. «Ребенок», «ребенку», «для ребенка», «маленькая девочка Ксюша» – вот слова, которые произносили в агентстве, а затем при встрече их повторил Василий Васильевич Базилюк.

– Будь добра, проводи, пожалуйста, Софью Филипповну, – попросил Комлев, не желая растягивать разговор.

Соня безошибочно угадала, что он не хочет при ней, постороннем человеке, вести привычную игру с Ксюшей. Их шутки, веселые словечки, нарочная вредность или притворное огорчение не предназначены для чужих глаз и ушей.

«Он действительно ее обожает», – подумала она.

– Пойдемте, пойдемте, – нараспев произнесла Ксюша и улыбнулась. Она выглядела совершенно счастливой, и, казалось, строгий вид новой гувернантки не произвел на нее впечатления: не расстроил, не озадачил и не разочаровал. Будто армия предыдущих гувернанток выглядела точно так же. – Кстати, у нас водятся привидения, – сообщила Ксюша уже на лестнице, – но я не обращаю на них внимания.

– Это правильно, – заметила Соня. – Ночью нужно спать.

– А еще у нас водится Лора, она очень красивая, но я ее не люблю.

– Почему?

– Причин так много, что я и не знаю, с какой начать. – Голубые глаза Ксюши вспыхнули веселым огнем. – Вы можете называть меня коротко – Ксю, если хотите. А вон ваша комната, – она махнула рукой и остановилась. – Как раз рядом с моей.

– Спасибо, что проводила. – Соня сдержанно улыбнулась. – Завтра суббота, ты не учишься, и мы целый день проведем вместе.

– А сегодня вам надо отдохнуть. Не беспокойтесь, я это прекрасно понимаю. Не буду вам мешать.

Ксюша развернулась и бодро направилась обратно к лестнице, а Соня подошла к двери, провела ладонью по волосам (все идеально) и одернула пиджак. Знакомство с хозяином дома состоялось, Комлев оправдал ожидания. В нем она увидела уверенного в себе человека, жесткого, порой насмешливого – о, вряд ли он когда-нибудь интересовался чувствами других, его мир не обременен чуткостью и добротой. Правда, есть исключение – Ксюша. Но как поведет себя Кирилл Андреевич, когда девочка подрастет и перестанет слушаться? Не сменит ли он милость на гнев? Не станет ли раздражительным и нетерпимым?

А с юным созданием вроде повезло… Ксюша не похожа на детей нынешних богатеев. Хорошая, приятная, умная, немного играет, но выходит это у нее забавно… «У нас водятся привидения». Уж не сама ли она расхаживает ночью по коридорам в белом одеянии? Что ж, такое случается, когда детям не хватает внимания и любви. Да, с девочкой будет легко.

Соня открыла дверь, но, почувствовав на себе цепкий взгляд, обернулась. Ксюша не ушла, а стояла около лестницы и очень внимательно смотрела на свою новую гувернантку. Словно прикидывала: «А чего мне ждать от нее и какая эта Мэри Поппинс на самом деле?»

«Нет, легко не будет, – вздохнула Соня. – Не следует спешить с выводами».

Она зашла в комнату, закрыла дверь, щелкнула два раза замочком, быстро скинула тесный пиджак, бросила его на кровать и… И медленно стала превращаться в совсем другую особу…

Спина от постоянного напряжения заныла, и Соня потянулась, точно кошка, утолившая голод первоклассной сметаной, щеки порозовели сквозь три слоя пудры, глаза потемнели и вспыхнули. Шаг, поворот, еще шаг… Полувздох, полустон, полуулыбка. Она расстегнула верхнюю пуговицу душной белоснежной кофты, вытащила шпильки из медовых волос, и те упали на плечи скрученным жгутом, который потянул назад, несколько раздражая.

– Наконец-то я чувствую себя живой…

О, как же тяжело заставлять себя не только двигаться, но и думать, как закоснелая леди! Невероятно сложная роль.

Соня запустила пальцы в волосы, взбила их и тряхнула головой (от жгута не осталось и следа – волосы рассыпались по плечам). Провела ладонью по лицу, будто сняла остатки маски, и подошла к окну – волшебно легко, плавно. Осторожно отодвинула край шторы и посмотрела на зеленый двор, деревья, небо, солнце. Сейчас она была похожа на прелестную молоденькую ведьму, которая забрела в чужой лес, но ничуть не расстроилась, даже наоборот…

– Я молодец, – сказала она с улыбкой. – Все же пробралась в эту неприступную крепость.

Глава 2

Информацию лучше получать дозированными порциями, чтобы не поперхнуться.

Из блокнота шпиона, провалившего задание

Намазав хлеб маслом, Соня положила бутерброд на тарелку, добавила сливки в чашку с кофе и посмотрела на Ксюшу. Девочка, подперев щеку кулаком, с аппетитом лопала булочку с маком, запивая ее чаем. Черные и белые крошки падали на кремовую скатерть, вызывая недовольство Ольги Федоровны. Сама экономка ничего не ела – стояла около буфета и «контролировала» завтрак.

«А не нужно было стелить скатерть», – мысленно усмехнулась Соня, а вслух сухо произнесла:

– Пожалуйста, сядь ровно и ешь аккуратнее. Не болтай ногами.

– Конечно, конечно, Софья Филипповна! – с чувством воскликнула Ксюша, выпрямилась и придвинула к себе тарелку.

Ольга Федоровна удовлетворенно кивнула и, видимо, решив, что новая гувернантка не так уж плоха, молча направилась к двери. Дышать стало значительно легче.

– Чем ты обычно занимаешься после завтрака? – спросила Соня.

– Читаю классическую литературу, – не моргнув, ответила Ксюша и робко улыбнулась, будто хотела добавить: «О, я знаю, это звучит неправдоподобно и глупо, но ложь ужасна, и я вынуждена сказать вам правду… да-да, я читаю классическую литературу». Она была очаровательна, вдохновенна и, по сути, заслуживала аплодисментов, а не подзатыльника. – А вы?

Хороший, логичный вопрос, но ответить на него честно Соня не могла. Хотя бы потому, что в субботу обычно садилась завтракать не раньше двенадцати, а сейчас часы показывали девять. Немного не тот отрезок времени, небольшое смещение… И проснулась она сегодня в семь с огромным трудом. И час уж точно потратила на перевоплощение в идеальную няню.

«Что я здесь делаю?» – с иронией подумала Соня, вспоминая трезвон будильника и желание проваляться в постели минимум до десяти. Будильник она привезла с собой – огромный, блестящий, громоподобный, в стиле ретро – только ему она доверяла свое пробуждение (дополнительный будильник в мобильном телефоне не считается, это на крайний случай, страховка).

– Я разбираю корреспонденцию, – ответила Соня и испытующе посмотрела на Ксюшу.

– Ах, как я вас понимаю, – театрально вздохнула та и погрустнела: – Столько дел, столько дел…

– А чем ты занимаешься после обеда?

– Музицирую.

– На чем?

– Э-э-э…

«Вот и я приблизительно на том же». – Соня сдержала улыбку. Про ужин, наверное, не стоит спрашивать, а то вдруг придется услышать какое-нибудь сногсшибательное откровение, например, «слагаю былины» или «хожу по улицам и собираю деньги для спасения амурских тигров».

Соня сделала маленький глоток кофе, тихо поставила чашку на блюдце и произнесла ровным, бесцветным тоном:

– Буду очень признательна, если после завтрака ты покажешь мне дом.

– С удовольствием!

Сначала Ксюша решила показать зимний сад. Он не слишком удачно располагался – в конце левого крыла, но был действительно красив и богат всевозможными растениями. Хотя подобное расположение имело и плюсы – это было именно то место, где хорошо провести час в одиночестве, поразмышлять, помечтать, повспоминать…

– Здесь здорово устраивать тайные свидания, правда? – надеясь на поддержку, выпалила Ксюша. – Вон там есть скамейка! Как раз для двоих! Представляете: вечер, свечи, звучит музыка, мужчина и женщина… И они обязательно влюблены! Вероятно, они долго не понимали… ну… что любят, а потом… А потом уже жить друг без друга не смогли! Наверное, она даже злилась на него первое время, а он ее не замечал… Возможно… Не знаю! Но первый поцелуй обязательно должен произойти тут! Понимаете? Он обнимает ее, нежно гладит рукой по щеке, а она…

«Спасайся кто может, – удивленно покачала головой Соня. – Сейчас малышка такого нафантазирует, что я покраснею».

– В твоем возрасте рано думать об этом, – строго произнесла она, старательно демонстрируя недовольство. Образ идеальной гувернантки давил со всех сторон, он походил на одежду меньшего размера – стягивал плечи и грудь, почти вызывал зуд. Ох, как же трудно менять каждый взгляд, жест и вдох на противоположный!

– А мне кажется, о таких важных вещах обязательно нужно думать. Просто необходимо! – Ксюша тряхнула головой, и светлое облако кудряшек заволновалось. – Ладно, пойдемте, я вам покажу, где живет Ольга Федоровна, а где Марина. А уж потом – где Лора и дядя.

– Дядя? – повторила Соня.

– Да, дядя Кирилл. Он хороший, но постоянно меня воспитывает и воспитывает, воспитывает и воспитывает… А Лора – его женщина. Это ясно, – легко закончила речь Ксюша и пулей вылетела из зимнего сада, лишь широкие листья пальмы остались качаться да упал на пол сиреневый лепесток орхидеи.

«Я не должна ее догонять», – пронеслось в голове Сони, и она, выпрямив спину, гордо вздернув подбородок, с достоинством направилась к выходу.

Значит, Кирилл Андреевич – дядя Ксюши. Дальний родственник или вообще не кровная родня. Пожалел, например. Приютил. Но кто родители девочки? И где они? Неужели Комлев удочерил ее? Странно, что у минотавра есть сердце, разумеется, в списке органов оно присутствует, но вряд ли стучит и греет.

Представитель Кирилла Андреевича – маленький, но цепкий Василий Васильевич не вдавался в подробности, он больше спрашивал, чем рассказывал. И после его речи получалось, что Комлев – отец Ксюши. Да никаких сомнений не возникло!

Ничего, рано или поздно девочка сама обо всем расскажет, зато на горизонте замаячила Лора… наконец-то… «Здравствуй, здравствуй, Лора».

– Ну что же вы так долго! – воскликнула Ксюша. Она стояла около лестницы, положив левую руку на перила, и ждала.

– Ксения, терпения тебе явно не хватает. – Соня приподняла брови, теперь демонстрируя осуждение. – И нет необходимости носиться по дому. Разве ты куда-нибудь торопишься?

– Да, я тороплюсь показать вам все комнаты! – выпалила Ксюша и широко улыбнулась. – Вы же сами просили.

– Но я не просила тебя шуметь и бегать, – с настойчивым занудством, выделяя каждое слово, заметила Соня. Подошла ближе и наклонила голову набок. – Надеюсь, в следующий раз ты проявишь терпение и не бросишь меня одну.

– Папе бы понравились ваши слова, – с чувством произнесла Ксюша, – после того, как я шмякнулась с четвертой ступеньки и разбила бровь, он тоже запрещает мне носиться колбасой. А вы не знаете, почему говорят «носиться колбасой»? Хотя нет, вы, наверное, не знаете…

Это прозвучало как приговор, и Соня поздравила себя с тем, что производит впечатление законченного сухаря. Такого, что им гвозди забивать можно. «Не переусердствовать бы». Она не позволила улыбке тронуть губы, тем более что появилась возможность поговорить о родителях юного создания.

– А папа тебя тоже воспитывает и воспитывает? – Она все же позволила себе добрую чуткую улыбку.

– Папа – это и есть дядя Кирилл, понимаете? – Ксюша наклонила голову, и в ее глазах заплясали смешинки. – Я его очень люблю, а вам он нравится?

«Нет. Не нравится».

– Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, так как практически незнакома с твоим… – Соня остановилась и вздохнула. Дядей? Папой? Какая разница… Но нужна ясность, и маленькие девочки не должны водить за нос своих гувернанток. – Ксения, я не поняла, Кирилл Андреевич твой дядя или папа?

– Папа.

«Может, заодно спросить про маму? Но мамы явно нет… А вдруг у ребенка душевная травма по этому поводу? Надо бы поймать ночью какое-нибудь зазевавшееся привидение и вытрясти из него правду!»

Если бы Соня могла, она бы выдала: «Да-а», возвела глаза к потолку и вопросительно произнесла бы: «И что там пишут в педагогических книгах о сложных, критических, нетипичных, драматических, неразрешимых и чрезвычайных ситуациях в семье?» Но пришлось лишь нахмуриться и перевести разговор на другую тему:

– Давай продолжим экскурсию по дому.

Комнаты Ольги Федоровны и Марины располагались рядом, в правом крыле.

– Мы не будем к ним заглядывать, – серьезно сообщила Ксюша. – Нам же не нужна головная боль, да? Я просто показала, где они живут… ну, на всякий случай…

«Уверена, что привидение чаще всего гуляет именно здесь, – подумала Соня, – и либо это тайный любовник экономки, либо любовник Марины, либо…»

– Как раз тут чаще всего и можно увидеть привидение, – тихо предупредила Ксюша. – Еще то зрелище…

– И на кого оно похоже? – поинтересовалась Соня.

– На меня, – спокойно ответила Ксюша.

«Та-а-ак, значит, все-таки она шляется по ночам по коридорам в белой простыне… Кирилл Андреевич, а вы хоть знаете, что происходит в вашем доме? В вашем сумасшедшем доме? Похоже, нет».

– Ты ходишь сюда пугать Ольгу Федоровну? – спросила Соня, ничуть не осуждая юное создание.

– Да, иногда, – равнодушно произнесла Ксюша, точно речь шла о рядовой прогулке до ворот участка и обратно.

– А зачем?

– Она смешно визжит.

«Уважительная причина, ничего не скажешь».

Конечно, нужно было сказать, что доводить людей до нервного срыва недопустимо, такие поступки некрасивы и влекут за собой множество проблем, включая чье-нибудь сотрясение мозга, но Соня промолчала. Она и сама бы с радостью понаблюдала, как скачет и визжит перепуганная Ольга Федоровна. Захватывающее зрелище.

– А здесь живет дядя, – свернув за угол, Ксюша указала на широкую темную дверь. – У него там большущая спальня.

– Ты же сказала, Кирилл Андреевич – твой папа…

– Да, папа, – согласилась Ксюша. – Я его называю по-разному, потому что… м-м-м… – Она сморщила носик. – Когда сержусь – он дядя, а когда нет – папа. Приблизительно так.

– А почему сейчас сердишься?

– Из-за Лоры. Я ее не люблю. А вот ее комната. Собственно, там вещи… ну, чаще она бывает у дяди… Очень прилипчивая особа.

Соня еле сдержалась, чтобы не расхохотаться – последние слова Ксюша произнесла настолько по-взрослому, что душа подпрыгнула от смеха. Но вместо этого пришлось строго посмотреть на девочку и сухо произнести:

– Нехорошо так говорить о взрослом человеке, надеюсь, впредь ты будешь более сдержанна в мыслях и словах.

– Ладно, договорились, – охотно согласилась Ксюша, – но только потом, когда вам захочется сказать о Лоре что-нибудь плохое, не стучитесь в мою дверь. В моем лице вы не найдете внимательного и понимающего слушателя.

«Пора увольняться, – с иронией подумала Соня. – Этой малышке точно не нужна гувернантка. Ей необходима сцена, полный зал зрителей и продолжительные аплодисменты».

***

Она хотела бы немного больше – совсем чуть-чуть, но Кирилла совершенно невозможно уговорить. Он делает ровно столько, сколько считает нужным, а особо внимательным не был даже в первые дни знакомства. И никогда, никогда не говорил ей о любви…

Ну и что?

«Любовь… Плавали, знаем». – Лора улыбнулась, вспоминая прошлое. О, какими же смешными кажутся теперь прежние чувства и переживания, какой же дурочкой она была…

Первая школьная влюбленность – Сашка-красавчик.

Вторая волна чувств сразу после выпускного бала – Игорь-красавчик.

Безумная страсть в модельном агентстве – Максим-красавчик.

Короткие романы не считаются…

А затем великая трагедия под названием «Серега Мальцев» – со слезами, заламыванием рук, со словами: «Как ты мог! Гад и сволочь!»

Серега Мальцев, Серега Мальцев… Из-за него она бросила институт, разругалась с родителями и рассталась с успешным ресторатором, готовым носить ее на руках всю оставшуюся жизнь.

И что? Кто оказался прав? Мать и отец? Нет.

Институт – ерунда, а Комлев уж покруче многих будет. А ведь умирала, сходила с ума, чуть руки на себя не наложила (ну, почти…), а все потому, что Серега Мальцев вдруг увлекся смазливой соплюшкой из подтанцовки. Банально, но от этого не менее обидно.

А все же жаль, что ей уже двадцать восемь лет. Сейчас она умнее и опытнее, смогла бы дотянуться до звезд – сделала бы отличную карьеру, дома мод и журналы дрались бы из-за нее! Однако не век же по подиумам вышагивать и позировать перед фотообъективом. Есть другие интересы. И развлечения.

– Как же хорошо, – выдохнула Лора. Остановилась около книжной полки, дотронулась пальцем до корешка энциклопедии и двинулась дальше, чиркая длинным ногтем по книгам. – Чу-дес-но…

Она родилась в семье академиков и первые семнадцать лет послушно оправдывала ожидания родных и близких – училась на пятерки и стремилась к знаниям. А потом, получив аттестат и золотую медаль, с торжеством выдала родителям:

– Вы хотели – пожалуйста, а теперь я пойду своей дорогой.

Почти в каждой семье есть необыкновенная тетушка, двоюродная сестра или еще какая-нибудь родня, замешенная «на седьмом киселе», которая однажды появляется на пороге с гостинцами и радостно восклицает: «Ах, какой же ты стала! Ах, как выросла! Ах, какая же красавица! Да тебе в актрисы или модели надо! Ты знаешь, сколько они зарабатывают? Деньги лопатой гребут!» И Лоре тоже повезло с такой родственницей – троюродная тетушка приехала из Парижа и обрушила на племянницу неподдельное восхищение, сдобренное дорогим ароматом заграницы и фотографиями из глянцевого журнала. «А ноги-то, а

глаза, а губы, а волосы!» – постоянно восклицала она, всплескивая руками. Эти восторги зацепили и надолго засели в памяти. И как только представилась возможность, Лора сделала профессиональное портфолио и обратилась в крупное модельное агентство. Ее приняли с распростертыми объятиями. Еще бы! Фигура, рост, ноги, природная грация и – немаловажный плюс – способность мгновенно раскрепощаться. Ей не нужно было часами объяснять, как лучше встать, наклонить голову, какой взгляд послать в объектив. Лора справлялась сама, разбрызгивая во все стороны флюиды сексуальности.

Мимоходом, устав от ссор с родителями, она поступила в институт и почувствовала себя на вершине счастья. Да, она сумела занять достойное место под солнцем – смотрите и завидуйте!

К обожанию привыкнуть легко, особенно когда ты красива и каждый мужской взгляд попадает в разряд восхищенных. Лора ловила эти взгляды и стопочкой складывала на одну из полок души – приятные пустячки, которые можно перебирать вечерами и улыбаться.

Это был долгий период удовольствия и беззаботности. Карьера, правда, хромала на обе ноги, но об этом всегда можно подумать позже… Ей, красотке Лоре, пока только девятнадцать… двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три…

А потом она встретила Мальцева – харизматичного певца ростом под два метра, и жизнь понеслась совсем с другой скоростью. Со скоростью ветра. Лора влюбилась и сделала все, чтобы Сергей обратил на нее внимание. Кокетливая игра длилась около двух месяцев, но ответной реакции не последовало, зато чувства усилились в три раза. «Почему, почему, почему…» – злилась Лора и не находила объяснения. А просто Мальцев был из породы избалованных лисов и своей тактике никогда не изменял. Он измучил, привязал покрепче, когда нервы и страсти уже звенели, пригласил в ресторан. Зато потом почти четыре года они кувыркались, где только можно и нельзя, то заваливались на великосветский прием без приглашения, то срывались с места и летели к океану. Мальцев подшучивал над ней, называл «королевишной», обещал золотые горы, знакомил с друзьями, дарил подарки и вел себя так, словно иначе никогда и не будет. И так же весело и легко выбрал себе другую.

– Нет, к черту любовь, – вновь улыбнулась Лора, – а впрочем, я же люблю Кирилла. Он мой.

Комлев оказался первым человеком, которого она встретила после разрыва с Мальцевым. Вышла из подъезда, проклиная «эту сволочь», собираясь повеситься или утопиться, и гневно зашагала к проезжей части. Как мог Серега променять ее, девушку с обложки, на какую-то тощую рыжую идиотку? Подобные истории обычно случаются с домохозяйками, бухгалтерскими клушами и училками, но не с красивыми, уверенными в себе девушками. И что он ей сказал? «Да ладно тебе, Лорка, в твоей душе все равно ни для кого нет места, там слишком много движимого и недвижимого имущества». Еще и ее виноватой сделал. Спасибо!

Вот она, любовь какая. И главное, за что? Она изменяла-то ему лишь два раза, и то «по старой памяти».

И вот Лора шла по проезжей части, рыдала и даже подвывала, как детская пожарная машинка, у которой с минуты на минуту сядут батарейки, и косметика вместе со слезами стекала с лица, и не было несчастнее человека на свете… Рядом притормозила черная иномарка. Лора тоже остановилась – автоматически. Стекло поползло вниз, и темные глаза поймали ее взгляд.

– Жить надоело? – спокойно спросил мужчина и устало добавил: – Садись в машину.

И только в этот момент Лора сообразила, что уж слишком «загуляла» от тротуара. Густой вечер и желтые огни фонарей сбили ее с пути, подтолкнули совсем не в ту сторону. Или, наоборот, в ту?

Комлев снисходительно отнесся ко всем ее слабостям, временами баловал, порой ругал и однажды оставил на ночь. Лора поняла, что не в характере Комлева длительные ухаживания – некоторое время он наблюдает, а затем протягивает руку и берет… Да, она безошибочно поняла, каков он, и умело подстроилась под «нет-хорошо-посмотрим». Кирилл не терпел капризов и дурацких прозвищ: зайчик, котик, лапусик. Уже после первого «зайчика» стало ясно: лучше подобные уси-пуси не повторять – он посмотрел на нее так, что во рту пересохло. Да и невозможно было называть Комлева уменьшительно-ласкательно, получалось ненатурально.

Он предложил жить вместе через год. Без всяких охов-вздохов. И Лора поняла, что речь идет об удобстве, не более, но все же победно улыбнулась и выпила по этому поводу бокал полусладкого шампанского. Полусладкой – вот какой

должна быть ее будущая жизнь. Отдаленно терпкой, вкусной, неожиданной и прекрасной! Ну не стал бы Кирилл ее звать, если бы его чувства напоминали студень или ледовый каток. Она ему нужна.

Лора сама попросила отдельную комнату, чтобы сохранить некоторую дистанцию и не становиться обыкновенной гражданской женой, которую никогда не пригласят в загс. И Комлев согласился, потому что рядом – его малышка Ксю, и с этим фактом нужно считаться.

Новый этап в личной жизни очень нравился (немного скучно, но это мелочи). Лора наслаждалась комфортом, значимостью Комлева и не жалела ни о чем. И не слишком-то торопилась замуж, но не потому, что не хотела, а просто знала: в ближайшее время Кирилл предложения не сделает, а значит, и нечего переживать. Все равно они теперь слишком близки – душой и телом, и вполне можно подождать. А если намекать и клянчить, то будет хуже.

Почему все так неправильно устроено: маленькая сопливая Ксю вертит им, как хочет, а у нее, Лоры, красивой и уверенной в себе, не получается? И ведь знает крошка-козявка, как и где лучше улыбнуться, посмотреть, вздохнуть. И Кирилл знает, что девчонка играет, однако балует ее и любит.

– Хитрая, хитрая Ксюша, – нараспев произнесла Лора.

Кому-то везет сразу и навсегда, а кому-то нет. Хорошо родиться в богатой семье, без лишних усилий получить роскошный дом, дорогую одежду, побрякушки, машину (хочешь с личным водителем, а хочешь без), отдых в любой точке земного шара и прочие радости. В секунду, точно по мановению волшебной палочки. Легко и просто. Лора дотронулась до жемчужных шариков бус, беззвучно рассмеялась, крутанулась и летящей походкой направилась к двери.

«И у меня в детстве было достаточно барахла, – весело подумала она. – Родители-академики тоже неплохой вариант».

Распахнув дверь, продолжая мечтать и размышлять, Лора наткнулась на новую гувернантку и Ксюшу. На щеках хитрой малышки играл румянец, который свидетельствовал о том, что пару минут назад няньке доверили «страшную тайну» и «только, пожалуйста, никому не говорите, это большой секрет».

– Доброе утро, – вежливо произнесла гувернантка, подавая хороший пример молодому поколению.

– Доброе утро, – сделав короткий книксен, эхом отозвалась Ксюша.

– Привет! – бросила Лора и остановила взгляд на Соне. «Кажется, так зовут эту серую моль?» Боже, как она одета! Опять вся в сером, и дурацкий бант на шее (наверняка платочек прабабки, бережно хранимый в пыльном комоде или на антресоли сто, а то и двести лет). Доисторический поясок, теплые колготки и лаковые туфли с тупыми носами ужасного коричневого цвета. Лора едко улыбнулась и откинула со лба челку. Да, одни женщины созданы для любви, а другие для фона. – Ксю, что сегодня на завтрак?

– Булочки, омлет с вонючими грибами и рулеты из ветчины с сыром. Сыр тухлый, но вы можете представить, что он французский. Короче, завтрак очень вкусный, приятного аппетита.

– Надеюсь, моя дорогая, – фамильярно и весело обратилась Лора к Соне, – вы сделаете из этого маленького чудовища человека. Пока это еще никому не удавалось.

Она развернулась и, виляя бедрами, двинулась к лестнице. Волны каштановых волос подпрыгивали при каждом шаге, короткая юбка поднималась выше и еще больше открывала длинные стройные ноги.

– Ну что, Софья Филипповна, – с улыбкой произнесла Ксюша, – вы уже хотите о ней побеседовать? Правда, она ужасная?

Лора, услышав последние слова, остановилась и обернулась.

– Мне кажется, Софья Филипповна, – нарочно выделяя имя и отчество, четко произнесла она, – вам платят деньги именно за то, чтобы этот ребенок вел себя хорошо. Так приступите же наконец к своим обязанностям. – И, улыбнувшись, она стала спускаться на первый этаж.

«Отличное утро, – подумала Лора, наслаждаясь встречей с молью-гувернанткой и негодницей Ксю. – Знаю я таких унылых дамочек неопределенного возраста.

Они считают себя умнее и правильнее других, ненавидят мужчин и тайно читают любовные романы, напичканные эротическими сценами. Да, их жизнь – сплошной тухляк!»

– Не сутулься, – сухо сказала Соня и, немного помедлив, повернув голову к лестнице, почти шепотом добавила: – Мне платят деньги совсем за другое.

Ее глаза вспыхнули и погасли, но Ксюша заметила это и не удивилась, лишь задержала дыхание, боясь пропустить еще что-нибудь важное и интересное. Гувернантка… м-м-м… она… м-м-м… не совсем настоящая… В ее чемодане лежит пухлая косметичка (с яркой помадой, румянами и тенями для глаз), а еще три флакончика духов, перламутровые украшения, книга с советами по воспитанию детей и небольшая плоская бутылка с шоколадным ликером, на горлышке которой повязан алый бант. Со стыдом в душе Ксюша готова была признать, что опоздала в кабинет на семь минут, потому что совершенно бессовестным образом, пользуясь моментом, проникла в комнату Софьи Филипповны и… проявила любопытство. Малюсенькую капельку любопытства… Ага, залезла в чемодан! На цыпочках подошла к кровати, осторожно приподняла указательным пальцем жесткую крышку, утяжеленную поцарапанным замком, вытянула шею и сунула нос куда не следует. Кошмар.

Одежда, видимо, уже лежала в шкафу. А косметичка сама прыгнула в руки и заголосила умоляюще: «Открой меня, открой меня, открой! Загляни внутрь! Прошу тебя!» И что оставалось делать? А после первых открытий всегда очень сложно остановиться.

Ксюша закусила губу и вздохнула. У взрослых свои секреты, а у нее – свой. Вот такой. Странный, непонятный, волнующий. Разве не имеет она право знать, с кем ей предстоит проводить дни и недели? Ох, какие только нянюшки не воспитывали ее с утра до вечера. Так что к неожиданностям лучше приготовиться заранее.

«Зачем ты пришла в наш дом? – подумала Ксюша и отчего-то почувствовала тепло в груди. – Кто ты?»

Она качнулась на пятках, опустила голову и улыбнулась. У нее есть отличная тайна, и бояться нечего. Хуже Лоры все равно никого нет.

– Она красивая, да? – спросила Ксюша спокойно и отстраненно, словно речь шла о картине в галерее. – И вредная.

– Да, – легко и непедагогично ответила Соня и мысленно продолжила: «Но это даже хорошо, потому что я приехала именно к ней».

Глава 3

– Дорогая фея, я не могу поехать на бал, – печально произнесла Золушка, – увы, у меня нет красивого платья.

– Моя милая, поверь, это не трагедия. Поезжай в старом платье, и, если принц тебя все же полюбит, ты будешь знать, что его пленил не яркий наряд, а твой богатый внутренний мир, – устало вздохнув, ответила фея-крестная и мечтательно подумала: «Эх, мне б твои годы… Я бы поехала на бал вообще без платья».

Альтернативная история Страны Сказок

Комната Ксюши напоминала мир трогательных лесных фей. И хотя мебель была обычного размера, Соне она показалась меньше и тоньше. Зеленые, фиалковые тона нежными клумбами вспыхивали то тут, то там, отчего в душе появлялось летнее настроение. Светильники, как сочные клубничины, свешивались над кроватью, переключая внимание на себя, а живые растения – плющи, аспарагусы и нефролеписы – наполняли воздух свежестью и вкусом.

«Да, – мысленно восхитилась Соня, оглядываясь. – Хотела бы я здесь жить».

Обстановка очень подходила для маленькой вдохновенной мечтательницы, а Ксюша такой и была. Почти. Забывать о хитринках в ее глазах все же нельзя ни на минуту.

– Уютно и мило, – сдержанно прокомментировала Соня, подходя к большому окну, по краям которого висели, волнуясь, короткие полупрозрачные шторы.

– Я обожаю свою комнату, – с чувством ответила Ксюша. – Папа разрешил мне устроить здесь настоящую поляну. То есть он, конечно, сопротивлялся, но у меня был день рождения, и пришлось уступить. Да, да, я отдала папе свои рисунки, и он сдался! Ну… не совсем… от озера и водопада пришлось отказаться. Кстати, эту драму я пережила стойко. – Она шумно вздохнула, как может вздыхать лишь самый несчастный эльф на свете, и потупила взор.

Соня тоже вздохнула, искренне сочувствуя себе: «Девчушка сведет меня с ума, это точно. Но до чего же очаровательный чертенок!» Она посмотрела на кровать и испытала глубокое удивление. На одной из атласных подушек лежала книга – М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени».

Неужели Ксюша говорила правду и после завтрака она действительно, позабыв развлечения, почитывает классическую литературу?

Соня подавила острое желание оглядеться еще раз. Вероятно, где-то припрятана скрипка или флейта… виолончель или арфа? И не торчит ли бок рояля из какого-нибудь шкафа? Вроде после обеда юная наследница господина Комлева любит музицировать…

Но нет! Нельзя верить. Нельзя попадаться на крючок этого уж слишком смышленого создания. Соня спокойно подошла к кровати, взяла книжку и пролистала ее. Закладки не было. Конечно, это не показатель, но отчего-то появилась стойкая уверенность, что если приподнять край матраса, то там, в секретном месте, обнаружится совсем другая книга, например роман для девочек.

– Я рада, что ты читаешь Лермонтова, – одобрительно произнесла она. – Наверное, я тебя отвлекла сегодня от любимого занятия…

– Немного, – скромно улыбнулась Ксюша и горячо добавила: – Но это неважно, мне было очень приятно показать вам дом. Надеюсь, вам у нас понравится.

«Да уж, столько впечатлений меньше чем за сутки я вряд ли где-нибудь еще получу», – мысленно усмехнулась Соня.

– Я тоже на это надеюсь.

– А вот комнату мамы я вам показать не могу. – Ксюша пожала плечиками. – Запрещено. Понимаете?

Если хорошенько переварить услышанное, то получалось следующее: а) мама была; б) мама жила здесь, в) мама куда-то делась; г) Комлев чтит память бывшей жены; д) не факт, что он был женат; е) у юного создания по имени Ксюша никакой душевной травмы не наблюдается.

То есть опять ничего не понятно…

– Ясно, – произнесла Соня.

– Ну, я тогда почитаю?

– Да.

– До обеда. Можно?

– Конечно. Вечером к вам приедут гости…

– Целых семь человек! – мгновенно перебила Ксюша. – Не два, не три и не четыре с половиной… – Она звонко засмеялась, прижав руки к груди. – А целых семь человек! Мы тоже пойдем на ужин, да? У меня есть сиреневое платье в белый горошек, а у вас?

«А у меня есть серая юбка, коричневая юбка, потом юбка в серо-коричневый рубчик, две белые блузки, одна бежевая блузка и одна бледно-розовая с безобразными рюшками на рукавах. Хочешь напугать принца? Залезь в бабушкин сундук!»

Но Ксюша не нуждалась в ответах. Закружившись, она плюхнулась на кровать и честно призналась:

– Обожаю подслушивать разговоры взрослых. – Ее маленькие аккуратненькие ушки покраснели. – Не ругайте меня, пожалуйста. Пожалуйста, пожалуйста… Здесь просто ужасно скучно.

Соня не стала ругать, она указала на «Героя нашего времени» и торжественно покинула комнату. Спаслась бегством, так сказать.

А Ксюша улыбнулась, глядя на дверь, повертела в руках книгу Лермонтова и положила ее на прикроватную тумбочку. Затем встала, приподняла угол матраса и достала другую книгу, которую и собиралась читать с удовольствием до обеда: Агата Кристи «Нежданный гость».

***

Учителям нужно ставить памятники, причем каждому отдельный. Как они умудряются воспитывать тридцать детей разом, если десять из них – эльфы, семь или восемь – братья и сестры Тома Сойера, парочка Буратин, а остальные пока не определились?

– Да, – многозначительно произнесла Соня, приподняв крышку чемодана, и задумчиво посмотрела на книгу в твердой мрачно-зеленой обложке. Книга по педагогике несла доброе-светлое-вечное, была напичкана разнообразными конкретными советами и расплывчатыми поучениями, которые, наверное, были правильными, но с реальностью не соприкасались. А если учесть, что получилось прочитать лишь сорок страниц (далее сил на эту тоску не хватило), то…

– Разберусь как-нибудь сама, – улыбнулась Соня, мысленно перебирая сцены, связанные с Ксюшей. Разве можно к такой малышке применить свод правил, незыблемых законов или спрогнозировать ее следующий шаг? Даже невозможно угадать, чем она занята в данную минуту: читает Лермонтова или сосредоточенно пыхтит, устраивая посреди комнаты озеро и водопад?

«Очевидно, я единственная в мире гувернантка, не имеющая абсолютно никакого опыта общения с детьми», – с иронией подумала Соня. Она перевела взгляд на отражение в зеркале, дотронулась кончиками пальцев до щеки и тихо произнесла:

– Бабушка, ты бы меня не узнала. – И посмотрела на часы.

Бабушка… О, у нее была мировая бабушка! Актриса больших и малых ролей. Ей рукоплескали тысячи и тысячи взволнованных граждан: плакали, смеялись,

осыпали цветами, просили автограф. Некоторые смельчаки дежурили около служебного входа и назначали свидания. Сцена, занавес, партер, амфитеатр… Бабушку приглашали играть и в московский, и в питерский театры, но она всегда отказывалась, отвечая одно и то же: «Имею я право помереть в родном городе или нет?!», и оставалась в Нижнем Новгороде.

А Соня была похожа именно на замечательную бабулю, во всяком случае, так всегда утверждала родня – и близкая, и дальняя. И говорили об этом в основном с охами и вздохами.

«А после обеда придется делать уроки, – мысленно протянула Соня, уповая на то, что школьная программа четвертого класса не сразит ее наповал. – Надеюсь, синусы и косинусы они пока не проходят. Нужно было хотя бы шпаргалками запастись».

Она тряхнула головой, но тут же вспомнила, что волосы туго стянуты в пучок, да еще прилизаны, и недовольно поджала губы.

«Вам платят деньги именно за то, чтобы этот ребенок вел себя хорошо. Так приступите же наконец к своим обязанностям», – вспомнила Соня слова Лоры.

Ничего, пройдет немного времени, и все вернется на круги своя. И кое-кто вряд ли позволит себе презрительную улыбку, когда увидит перед собой… м-м-м… например, соперницу. Ревность, глупость и жадность заставляют людей совершать опрометчивые поступки. Интересно, Комлев дорожит отношениями с Лорой?

– Надеюсь, это станет ясно вечером во время ужина. Гости, гости, гости… – пробормотала Соня.

Со стороны почти всегда видно, как люди относятся друг к другу, если, конечно, задаться целью и понаблюдать. Слова, знаки, прикосновения, интонация и многое другое раскрывают тайны и дают возможность понять, где правда, а где ложь, где холодно, где горячо, а где образовалась пустыня, которую могут украсить лишь колючки и трещины. Присутствует или отсутствует любовь? Нужно лишь осторожно последить за ним и за ней, и вопросов не останется.

Соня представила Комлева рядом с Лорой и кивнула – картинка сложилась, пара получилась вполне гармоничной. Ни он, ни она большего не заслуживают.

«А Кирилл Андреевич тоже хочет за мной понаблюдать. Именно поэтому он и «пригласил» на ужин. Ну и пусть».

***

После обеда, прошедшего под строгим надзором экономки («Ксюша, куриным бульоном людей из могилы поднимают, а ты к нему даже не притронулась», «ешьте черный хлеб, он решает все проблемы пищеварения»), настала светлая полоса везения. Оказалось, что уроки по русскому и математике не задали, так как были контрольные, учительница английского больна, а литература уже сделана. Хотя по поводу английского Соня не беспокоилась – язык она знала отлично, иначе господин Комлев не взял бы ее на работу.

– По окружающему миру задали ответить на пять вопросов, а еще нужно сделать поделку на конкурс. – Ксюша пожала плечиками, мол, ерунда.

– Какую?

– На тему «Здравствуй, лето!».

При слове «поделка» Соня почувствовала неладное и испытующе посмотрела на Ксюшу. Это юное создание могло нафантазировать любое количество уроков из шалости или от богатства воображения. И мало того, что придется лепить, пилить и строить, так потом еще на голове вырастут ослиные уши (или что там вырастает у тех, кто оказывается в наиглупейшем положении?) «Мне нужен детектор лжи», – мрачно подумала Соня, представляя, как пара проводков и кнопок мгновенно решает все проблемы.

Она внимательно посмотрела на Ксюшу, но не заметила ни лукавого блеска в глазах, ни тайной усмешки, ни предательского румянца на щеках. Но в данном случае это еще ничего не значило: «Милый, милый ребенок… И в кого малышка уродилась такой? Точно не в папочку».

– Прекрасно, – спокойно произнесла Соня. – Поделки развивают пространственное мышление, эстетический вкус и усидчивость. Мы, конечно, должны постараться и…

– Я уже все придумала! – воскликнула Ксюша, всплеснув руками. Она подскочила к своей кровати и стянула с нее красивый, пушистый плед, пестрящий сиреневыми и малиновыми цветами. – Вот! Мы сделаем поляну! Или холмик. Вырежем эти цветы и наклеим на что-нибудь зеленое. Они объемные, видите? Это будет самая лучшая поляна на свете!

Соня мужественно сдержала острое желание потрогать свои уши, может, они уже достигли размера ослиных?

Ксюша предложила разрезать на кусочки плед, стоимость которого у человека со средним достатком наверняка вызовет затяжной шок. И сделала это с заразительной пылкостью и изумительной непосредственностью, будто создавать поделки из золота и бриллиантов – обычное дело. Даже ладони зачесались, так захотелось сотворить этакий шедевр в стиле Сальвадора Дали, обязательно блестящий и большой, практически закрывающий линию горизонта!

Ксюша приподняла брови, отчего выражение лица стало умоляющим, но уголки губ дрогнули, и этого было вполне достаточно, чтобы поставить точный диагноз.

«Малышка, я тебе аплодирую стоя, но тебе меня не переиграть, – мысленно усмехнулась Соня. – И я пока не сошла с ума, чтобы мастерить вместе с тобой поделки из персидских ковров».

– Меня удивляют твои слова, – сухо и строго ответила Соня и для пущего эффекта нахмурилась. – Ты собираешься испортить хорошую вещь и считаешь подобный поступок правильным. Но ты забыла немаловажный момент: твой отец много работает, и его труд нужно уважать. Разве приятно будет Кириллу Андреевичу узнать, что мы испортили плед?

«О, да я молодец… Отлично справилась. Пожалуй, я и сама уже могу писать педагогические поэмы», – с иронией подумала Соня.

Ксюша мгновенно расстроилась. Опустив плечи, поникнув, точно ромашка без воды, она посмотрела в окно, затем перевела взгляд на письменный стол,

тяжело вздохнула и произнесла грустно, с отчаянием и болью:

– Понимаете, Софья Филипповна, мне очень хочется победить. Мне необходимо занять первое место в конкурсе поделок. Я никогда не занимала первого места. Есть моменты… ну… – Она покусала нижнюю губу и продолжила: – Из-за меня наш класс продул веселые старты. Все смеялись. Я грохнулась в самый неподходящий момент! На эстафете. И сейчас мне хочется, чтобы у меня была самая лучшая поделка на свете! Я никогда, никогда ни в чем не занимала первого места…

Теперь Ксюша была такой искренне несчастной, что Соня с трудом подавила естественный порыв пожалеть и успокоить. Маленькая девочка мечтает о победе, об уважительных взглядах одноклассников, ее глаза вспыхнут яркими огнями, когда учительница, завуч или даже директор протянут грамоту и громко, торжественно произнесут формальное поздравление. Да плевать, сколько стоит плед, если из него выйдет отличная летняя поляна! Тем более что плакать будут денежки господина Комлева.

Соня мягко улыбнулась и вновь пристально посмотрела на Ксюшу – кто знает, может, эта маленькая девочка каждый раз получает грамоту, приз и восхищение, а на веселых стартах вовсе не падала, наоборот, установила новый мировой рекорд по прыжкам в мешке!

Но взгляд малышки был переполнен надеждой.

– Чтобы сделать хорошую поделку, не обязательно портить имущество, – успокаивающе сказала Соня. – Мы используем старые вещи или купим недорогую мелочь.

– Но так красиво не будет, – возразила Ксюша и потянула плед обратно к кровати. Пухлые сиреневые и малиновые цветы коснулись пола.

– Будет. Я обещаю, что ты победишь. «О, я сошла с ума, за свою жизнь я не сделала ни одной вазочки, баночки, коробочки! Во всяком случае, я этого не помню». – Когда нужно сдать поделку?

– До пятницы.

– Мы успеем. А теперь давай перейдем к окружающему миру. На какие вопросы необходимо ответить?

– Сколько костей в теле человека? В какое озеро впадает триста тридцать шесть рек, а вытекает всего одна? Почему орешник цветет весной, а липа летом? У кого рот на брюхе? Какие черви не являются червями?

«Вот за этот кошмар мне точно не платили! – Соня подавила горькое восклицание и решительно переключилась на другую волну: – Я смогу, смогу, смогу».

***

Комлев не слишком-то жаловал ужины, требующие некой парадности: костюма, галстука, особых блюд и белой скатерти. Парадность означала присутствие в доме малознакомых людей, деловые разговоры, не приносящие конкретного результата, пресные улыбки и ответные визиты в дальнейшем. Жаль времени. Но бывали и другие вечера, когда приходили хорошие знакомые (пусть и не друзья), Ксю наряжалась и превращалась то в хохотушку и вертелась юлой, то почти неподвижно сидела за столом и томно взирала на присутствующих, дожидаясь десерта (вероятно, подслушивала и подглядывала). Лора блистала и развлекалась, а он, пребывая в философском или бодром настроении, отдыхал от бумаг и телефонных звонков. И этот вечер обещал быть именно таким – спокойным, уютным, с той лишь разницей, что на ужин «приглашена» новая гувернантка. Зачем?

– Хороший вопрос, – произнес Комлев. Раньше он никогда не требовал присутствия няни поблизости – Ксюша вполне самостоятельный и разумный ребенок (даже слишком!), так зачем же? Софья Одинцова на этом вечере будет выглядеть белой вороной, и вовсе не потому, что она не гость. В ней нет индивидуальности, харизмы, очарования. «Так зачем же?» – опять спросил себя Кирилл и усмехнулся. Пожалуй, надо бы понаблюдать за новой гувернанткой, да и… Он нахмурился, небрежно бросил пиджак на подлокотник кресла, расстегнул две верхние пуговицы рубашки и признал, что Софья Филипповна Одинцова чем-то задела его, вернее, вызвала раздражение, и теперь ему хочется посмотреть на нее со стороны. В момент, когда она будет находиться в некомфортных для себя условиях.

– Кирилл Андреевич, – раздался за дверью голос экономки, – первые гости приехали.

– Хорошо, спасибо, – сухо ответил Комлев и сразу ощутил легкий голод. Не следовало пропускать обед, но дела закрутили, и к тому же в перспективе маячил отменный ужин.

Пока Ольга Федоровна накрывала на стол, Кирилл сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и вел неторопливую беседу с присутствующими мужчинами. Лора, устроившись на диванчике с Катей, молоденькой женой режиссера, о чем-то болтала, изредка смеясь, и часто убирала непослушный локон за ухо. Легкое короткое бордовое платье, черные бусы, завязанные узлом чуть ниже груди, бордовые туфли на высоком каблуке делали Лору похожей на киноактрису, и Комлев пару раз бросил на нее холодный собственнический взгляд. Она нравилась ему такой – красивой, точеной, внешне неприступной, с румянцем на щеках от выпитого вина.

– Добрый вечер! – раздался радостный голос Ксюши, и Комлев повернул голову.

– Здравствуйте, – безучастно произнесла гувернантка, стоящая рядом со своей воспитанницей.

«Без изменений», – отметил Кирилл и прошелся взглядом теперь уже по фигуре Софьи Одинцовой. Волосы прилизаны и стянуты в стандартный пучок, бледно-розовая блузка с широким воротником и дурацкими унылыми рюшками на рукавах, тяжелая коричневая юбка-годе почти до пола, туфли с тупыми квадратными носами. И прямая спина, будто ее обладательница проглотила длинную широкую линейку, ранее принадлежащую какой-нибудь работящей портнихе.

«Можно не спрашивать, уроки наверняка сделаны», – иронично подумал Комлев, и его раздражение исчезло, потому что сейчас Софья Одинцова была ясна, понятна и даже предсказуема.

Он коротко представил новую гувернантку присутствующим (называть имена гостей не стал, не имело смысла), равнодушно встретил недовольное выражение лица Лоры и переключил внимание на Ксю. Малышка изо всех сил старалась произвести сногсшибательное впечатление – еще бы, сегодня она была в платье,

специально купленном для выпускного вечера. Прощай, начальная школа, прощай…

«Если она зальет платье соком, то придется покупать новое», – вздохнул Комлев, с удовольствием осознавая, что Ксюше под силу свить из него веревки, жгуты, косички… Да что угодно! Правда, крошка об этом не догадывается. Хотя…

– Через час вы можете быть свободны, – обратился он к Соне. – Завтра воскресенье, я полагаю, вы поедете домой?

– Да.

– Или оставайтесь здесь, но, боюсь, в таком случае Ксюша не даст вам отдохнуть. Решайте сами.

– Да, конечно.

Комлев отвернулся, но ее слова вдруг неожиданно кольнули в сердце. «Да, конечно». С чем она согласилась? С тем, что останется, или с тем, что разберется и без его ценных указаний?

Он резко повернул голову и увидел совсем не то, что ожидал, – ее глаза сияли тайным глубинным огнем. Ее глаза смеялись. Но мгновение – и наваждение исчезло. Перед ним вновь была серая скучная мышь с бледным лицом и тусклыми, как свет от дачного ночника, чувствами и желаниями. Показалось? Комлев нахмурился, быстро поднялся и пригласил всех к столу.

Лора, глядя, как осторожно новая гувернантка усаживается на стул, а затем аккуратно стелет полотняную салфетку на колени, насмешливо скривила губы («Она нелепа и смешна! Зачем Кирилл позвал ее?»).

– Я буду сыр и блинчики! – воскликнула Ксюша и плюхнулась рядом с Соней. Облако кудряшек подпрыгнуло и опустилось на плечи, улыбка мгновенно озарила комнату. – Обязательно попробуйте блинчики с грибами, – через секунду заговорщицки прошептала она, – а то Лора их слопает, и нам достанется лишь соус.

– Спасибо, я не голодна, – натянуто и тихо ответила Соня.

Комлев бросил на нее еще один взгляд – внимательный, изучающий, но на сей раз ничто не удивило его, вот только покоя в душе уже не было, будто он упустил нечто очень важное. Или нет?

За две недели до основных событий

Дверь закрылась со звонким хлопком, и стекла в окнах жалобно задрожали.

– Старая грымза, – выдохнула Кира и покосилась на оранжевую пятитысячную купюру, небрежно оставленную странной посетительницей на углу стола. Ну, по крайней мере, дамочка при деньгах, одни кольца чего стоят! Явно «доисторические», с драгоценными камнями. А такие клиенты агентству, бесспорно, нужны, и какая разница, чего они хотят: модель для презентации, актрису для рекламного ролика, актера для сериала, Бабу-ягу на детский праздник или что-нибудь еще в рамках приличий. Кира скрестила руки на груди и передразнила высокомерную малоприятную Фаину Григорьевну: «Если выбранная кандидатура меня устроит, я вернусь и отблагодарю вас». «Спасибо, благодетельница», – добавила Кира, усмехнулась и потянулась к телефонной трубке. «Вообще-то, агентство «Нейм» не шарашкина контора, существует прайс и прочее, прочее, прочее…» Набрав номер, она некоторое время терпеливо слушала гудки, а затем раздалось знакомое:

– Да?

– Соня, привет. Как дела? Отлично… Радуйся, кажется, у тебя в ближайшее время появится работа. Нет, не реклама и не кино, увы. Но денег наконец-то заработаешь. Ко мне тут одна мадам приходила – ты бы ее видела, а впрочем, скоро увидишь. Короче, попросила выбрать для нее красивую актрису, особо нуждающуюся в средствах, дело у нее какое-то есть. Ты знаешь, я не любитель играть в кошки-мышки, но от этой дамочки бриллиантами пахло за версту, так что я решила закрыть глаза на ее причуды. Нет, она нормальная. – Кира откинула голову назад и засмеялась. – Соня, тебе ли бояться престарелых грымз! Да-да… А фиг ее знает, сколько ей лет, далеко не молода. Я показала ей пять фотографий: Арины, Тони, Маши Карпович, Птицыной и твою. Моделей

подсовывать не стала – они ее совершенно не интересовали. Речь шла исключительно об актрисах. Уж она и так и сяк вертела фотографии, только что не нюхала их и на зуб не пробовала! Но твою все же выделила сразу. Я это почувствовала. Она попросила номер твоего мобильного, и я дала, знаю-знаю, что сначала нужно было созвониться, но она себе на уме и заинтересована в конфиденциальности. И к тому же явно мне не доверяла, представляешь? Будто я могла отговорить. Вроде Фаина Григорьевна. Нет, фамилию не назвала. Плевать! Она богата! Да уж, я знала, что ты умрешь от любопытства. Она попросила предупредить тебя, а разговаривать о работе собирается при встрече. В крайнем случае, если тебе не понравится предложение, просто пошли ее куда подальше. Полагаю, с этим у тебя проблем не возникнет. – Кира устало опустилась в кресло и широко улыбнулась. – Зато неплохой шанс заработать, тебе же постоянно нужны деньги. Выслушай ее. Да не за что. Удачи! Интересно, что ей нужно? Ну, пока. Звони.

Она отложила телефонную трубку и усмехнулась. Долго выбирала Фаина Григорьевна девушку, примерялась и так и этак: у одной глаза невыразительные, у другой родинка, у третьей губы тонкие. Долго выбирала и остановилась на самой… непредсказуемой. Но, вероятно, именно такая актриса ей и нужна?

– Кто ж ее знает, – протянула Кира и придвинула к себе разложенные на столе фотографии. Выбор сделан. И сделан он Фаиной Григорьевной совершенно самостоятельно.

Глава 4

Если вас подхватило течение и несет вперед с увеличивающейся скоростью, а перед глазами уже начали мелькать кадры из прошлого, значит, впереди вас ожидает встреча с… водопадом. Падайте красиво, возможно, впоследствии именно это послужит вам утешением.

Из заметок великого путешественника, побывавшего в Южной Африке

на реке Замбези и больше никогда не покидающего пределов родного города

– Мужчина, конечно, должен быть помешан на работе, но не настолько же. – Лора прищурилась и кокетливо улыбнулась Комлеву. – Кирилл, скоро ты будешь ложиться спать в пять утра.

– Надеюсь, этого не случится.

– В наш век иначе нельзя, – оторвавшись от куска буженины, произнес светловолосый худощавый мужчина лет сорока. Соня не успела выхватить из разговора его имя и прилепила к нему прозвище Студент. Уж слишком он напоминал красавчика-старшекурсника, уделяющего больше внимания внешности, чем вопросам образования. Даже великоватый пиджак смотрелся на нем пижонисто. – Если я всего один день не появляюсь в офисе, то…

– …то твоя секретарша впадает в уныние, – иронично закончил широкоплечий режиссер, накладывая на тарелку красную соленую рыбу.

«Как же хочется есть!» – подумала Соня, косясь на блинчики. Их осталось всего две штуки, и если учесть, что Ксюша съела сразу три, то, наверное, они действительно вкусные. С одной стороны, ради дела надо бы поскромничать, с другой – вполне можно и поесть. Но ее образ, к сожалению, не предполагает качественного обжорства, включающего бокал мартини со льдом. Она – сухарь. Рыба. И все человеческое ей чуждо.

«Не-а», – мысленно улыбнулась Соня, и через секунду на ее тарелке лежали два блина с грибами. Немного помедлив, она зачерпнула ложкой соус и полила им свой «простецкий» ужин. Да, она скромная гувернантка с хорошим аппетитом – подобное необъяснимое чудо в природе изредка встречается. И раз ее усадили за стол, то…

– А у вас отменный аппетит, Софья Филипповна, – раздался насмешливый голос Лоры. – Но не злоупотребляйте мучным, а то испортите фигуру.

«Вот чему я так и не научилось за годы актерства, так это краснеть по заказу, – усмехнулась Соня, – а надо бы…»

Она «случайно» звякнула вилкой о край тарелки, посмотрела на Лору, сидящую в расслабленной позе, и спокойно, с нотой нравоучения произнесла:

– У здорового человека должен быть хороший аппетит. А фигура – это еще не все, что нужно. И, конечно, я слежу за тем, чтобы питание было сбалансированным.

– Да, фигура – это не все, – многозначительно согласилась Лора и переглянулась с Катей.

Соня почувствовала, как тяжело им сдерживать смех. «Ага, тебе, серая моль, не стоит беспокоиться о фигуре, на тебя все равно никто не посмотрит, даже если напялишь на голову китайский фонарь», – вот о чем они думали.

«Тоска зеленая, – тихо вздохнула Соня и посмотрела на Комлева. – Кирилл Андреевич, спасибо, что пригласили, другая на моем месте наверняка бы уже чувствовала себя идиоткой».

– Блины такие вкусные, что глупо думать о фигуре, – улыбнулась Ксюша и забавно сморщила нос. – К тому же, Лора, вы всегда съедаете не меньше двух штук.

За столом раздались мужские смешки.

– А ты считаешь, сколько я съела?

– Нет, нет! Это просто бросается в глаза, я тут совершенно ни при чем. – Ксюша опустила левую руку на колени, помедлила немного, наслаждаясь вспышкой гнева в глазах врагини, затем быстро сжала локоть Сони и положила руку на стол. – Мне кажется, если хочется есть, то не нужно стесняться. Я читала про анорексию – это страшно, скажу я вам! Настоящая трагедия на ровном месте! – Она округлила глаза, втянула щеки, издала отчаянный стон, вцепилась в скатерть, откинулась на спинку стула и выдала несколько предсмертных судорог, закончившихся тяжелым продолжительным вздохом. – Капут, – просипела она и скривила рот.

Режиссер небрежно бросил вилку, захохотал и зааплодировал. Юрий Яковлевич (какой-то там молодой профессор) замер, потеряв дар речи, худощавый Студент поперхнулся огурцом, остальные гости заулыбались.

– Отличное воспитание, – фыркнула Лора и с осуждением посмотрела на Комлева. Сейчас он должен наказать эту избалованную негодницу, которая вечно устраивает спектакли и наслаждается произведенным эффектом. Девчонка совсем распоясалась! Естественно, теперь никто и не заметит, что, по сути, всеобщая любимица нахамила ей – взрослому человеку.

– Ксю, перестань, – ровно произнес Кирилл Андреевич. – Лучше бы ты читала не про анорексию, а изучала окружающий мир. Если мне не изменяет память, кое-кто на прошлой неделе получил тройку по контрольной.

– Ну что ты, папа, – с наигранной обидой ответила Ксюша, усаживаясь поудобнее. – Я же осознала… мы разговаривали об этом. И Софья Филипповна сегодня помогла мне сделать уроки. – Малышка посмотрела на Лору, отправляющую в рот кусочек семги, и с вдохновением добавила: – Нам даже пришлось искать ответ на вопрос: какие черви не являются червями?

Кусочек семги вернулся обратно на тарелку.

«Пять баллов, крошка». – Соня с трудом сдержала улыбку.

– Очень рад за вас. – Комлев сдерживать улыбку не стал и, дипломатично переключая разговор на другие темы, посмотрел на Лору и мягко попросил: – Передай мне, пожалуйста, хлеб.

– Наша взяла, – прошептала Ксюша, и эти слова тихой радости предназначались лишь для Сони. – Вы сегодня уедете?

– Да, домой.

– А вернетесь в понедельник?

– Нет, завтра вечером, я же должна проводить тебя в школу.

Ксюша выпрямилась, взяла нож, вилку и неторопливо продолжила ужин, соблюдая правила этикета. Ее движения стали плавными, на лице появились задумчивость и покорность «тяжелой судьбе», она словно говорила: «Что ж, я вынесу и это, но не забудьте вернуться в срок, а то со мной может приключиться

такая же страшная история, как и с чудищем из сказки «Аленький цветочек». Я погибну здесь без тепла и заботы».

– Кирилл, может, мы отпустим Софью Филипповну пораньше, вряд ли ей интересны наши скучные разговоры? – без тени иронии в голосе, но с насмешкой во взгляде произнесла Лора.

Комлев прервал беседу с приятелем-профессором, повернул голову в сторону Сони и сказал:

– Вы вправе уйти, когда вам будет удобно. Полагаю, ваш рабочий день закончился. Спасибо за помощь.

Она поняла, что многоуважаемый Кирилл Андреевич постарался быстро и вежливо решить данный вопрос, но не слишком-то хорошо получилось. Несмотря на гул застольных бесед, слова Комлева прозвучали резко и жестко, будто ветки треснули под ногами. Впрочем, от него не следовало ждать иного. Сначала потребовал ее присутствия, а потом, когда интерес погас, с легкостью поддержал каприз своей Лоры.

– Я, пожалуй, поеду. Мне еще добираться домой, – отрывисто проговорила Соня и поднялась.

– Вас отвезет кто-нибудь из охраны.

– Спасибо.

Отлично, она выдержала почти полтора часа, а теперь нужно сматываться. Глоток свежего воздуха, нормальная одежда, ванна с ароматной пеной, бокал мартини или рюмочка ликера. Кстати, о ликере… Она взяла с собой шоколадный (для бодрости и для празднования каждой маленькой победы), но забыла захватить рюмку. Надо привезти. А еще необходима свечка и зажигалка для… Для начала. И для позабытой лет сто назад романтики! А там видно будет. Соня едва не прыснула от смеха, но вместо этого сдержанно со всеми попрощалась. Она уходит, но это не конец истории, а некоторые пусть наслаждаются ложным триумфом. Не жаль.

– До свидания, Ксюша.

– До свидания. Но вы же завтра вернетесь, как обещали?

– Да.

– Я буду ждать.

«Она сомневается, что я приеду, – неожиданно сообразила Соня. – Но почему?»

Любая логика при поиске ответа уводила не в ту степь. Разве семейству Комлевых требовалась гувернантка не на постоянное место работы? Нет, дело не в этом… Ксюша полагает, что чопорная нянька сама не захочет вернуться. Странно… Не так уж много здесь водится пираний, чтобы испугаться. Да и малышка не из тех, кто прилипает, виснет на шее и канючит – за секунду она может устроить любому настоящее испытание на выносливость и прочность! О, она совершает свои виртуозные па осторожно, жуликовато и каверзно – не поймешь, где правда, а где ложь. А еще Ксюша неожиданно встала на ее сторону, когда Лора в очередной раз продемонстрировала свою «душевную красоту». Малышка коснулась ее локтя в знак поддержки. Даже жаль, что поддержка не требовалась. Но Ксю не могла об этом знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yuliya-klimova/ocharovatel-nyy-siniy-chulok

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить